

анархии — мнение, которое в прежние годы большинством поляков отвергалось. Однако многое говорит о том, что польская экономика переживает в настоящее время лишь кратковременный кризис, и можно надеяться, что новый подъем повлечет за собой улучшение настроений польского населения.

Относительно устойчивыми остаются установки населения обследуемых стран в отношении новых союзных систем. Для жителей стран кандидатов в члены подобных союзов те или иные аспекты защищенности и возникающие вместе со вступлением в них гарантии с очевидностью преобладают над соображениями экономического порядка.

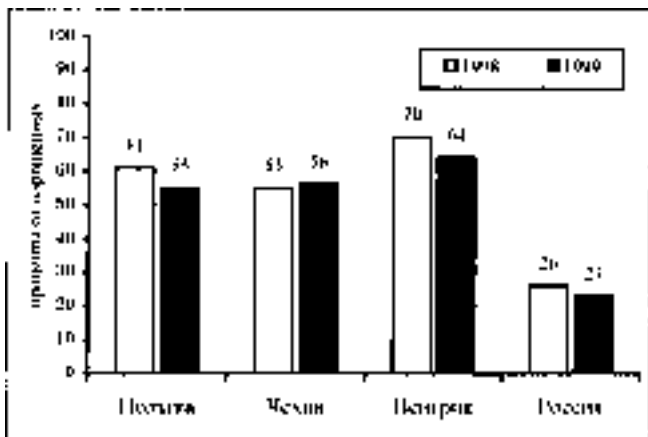

Рис. 19. Признание ЕС

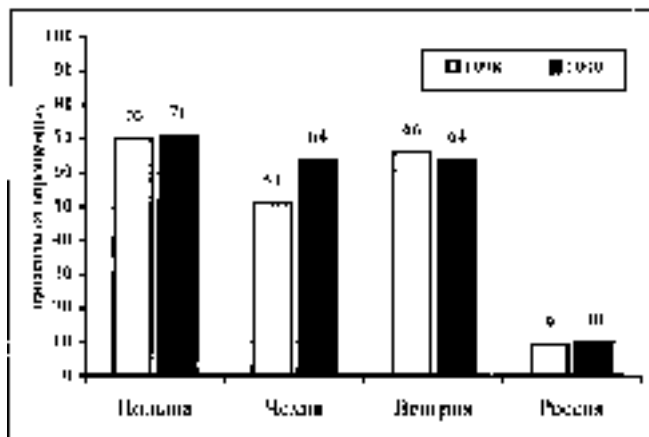

Рис. 20. Признание НАТО

Население государств Вышеградского соглашения высказывается за вступление в НАТО еще более явно, чем за членство в ЕС. Участие в Североатлантическом альянсе с весны этого года для этих стран стало давно вожаделенной реальностью. Русские, напротив, демонстрируют большее понимание стремлений восточноевропейских стран войти в ЕС: примерно четверть населения России поддерживает этот шаг, тогда как лишь каждый десятый россиянин хотел бы видеть бывших союзников в рядах НАТО. В обоих случаях, однако, наиболее значительная часть опрошенных проявляет неопределенность позиции; по меньшей мере каждый второй россиянин не имеет определенного мнения относительно членства стран Вышеградского соглашения ни в ЕС, ни в НАТО. Правда, почти в два раза больше россиян высказываются против членства в НАТО (около 35%), чем против вступления этих стран в ЕС.

(перевод Н. Зоркой)

Борис ДУБИН

Жизнь по привычке: быть пожилым в России 90-х годов

«Жить — это только привычка»
Анна Ахматова

«Венок мертвым», VIII

Не раз отмечалось, что взрослое население России 90-х годов по его отношению к экономическим и общественным переменам, по ключевым ориентациям и оценкам как бы поделено на людей до сорока и после сорока лет. Особенности молодежи как потенциала общественной динамики, как социальной и потребительской группы, ее мнения и аспирации регулярно отслеживаются на страницах «Мониторинга общественного мнения», тогда как специальных работ, посвященных пожилым россиянам, в журнале не появлялось. Между тем, доля старших возрастных когорт в структуре российского населения год от года растет (см. табл. 1), а связанные с их положением в обществе проблемы социальных гарантий, защиты, обеспечения становятся острее.

Таблица 1

Доля людей старше трудоспособного возраста в структуре населения России

(% населения в соответствующем году)

	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.	1995 г.	1997 г.
Мужчины	3,5	3,9	3,8	4,0	5,2	5,6	0,0
Женщины	11,9	12,0	12,8	13,8	13,8	14,8	14,8
Всего	15,5	10,0	10,0	17,8	19,0	20,4	20,8

* Рассчитано по: Российский статистический ежегодник 1998. Л. / 1998. Г. 14.

Впрочем, стоит отметить, что Россия и в этом отношении не уникальна. Во многих крупных странах мира, включая наиболее развитые, процент пожилого населения еще выше, причем заметно (см. табл. 2). Наряду с «третьим возрастом» историки, социологи, психологи, специалисты по социальной геронтологии на Западе — например, в Великобритании, во Франции — уже часто говорят в этой связи о «четвертом», о его проблемах, новых для общества, и о его вновь открывающихся возможностях.

Таблица 2

Доля людей 60 лет и старше в структуре населения страны

(% населения в соответствующем году)

Страна	Год	%	Страна	Год	%
			Франция	1993	19,0
Китай	1990	8,6	Великобритания	1995	20,5
Польша	1994	15,0	Япония	1995	20,0
Канада	1995	10,1	Германия	1995	20,9
США	1990	16,5	Болгария	1994	21,1
Россия	1997	17,6	Швеция	1995	22,0
Венгрия	1995	19,4	Италия	1995	22,4

* Рассчитано по: Российский статистический ежегодник 1998. М. / 1998. С. 766. Ранжировано по нарастанию показателя.

¹ Иногда установки и оценки пожилого населения России рассматривались среди данных о возрастных и поколенческих когортах. См.: Левада Ю.А. Три «поколения перестройки» // Мониторинг: экономические и социальные перемены. 1995. № 3. С. 7-10; Дубин Б.В. Дети трех поколений // Там же. 1995. № 4. С. 30-33; Ким Н.Ю. Надежда, усталость, старость... // Там же. 1999. № 1. С. 56-58.

² Kissmann T. Altern in Russland Koeln, 1995; Краснова О.В. Адаптация пожилых людей к современной социальной ситуации. М., 1990. 3 См., например: Laslett P. A fresh map of life: The emergence of the third age. Cambridge, 1991; Bourdelais P. Le nouvel age de la vieillesse: Histoire du vieillissement de la population. P., 1993.

«Пожилые», «старые» и т.п. — характеристика не только и не столько физиологического возраста и психологического самоощущения, сколько социального статуса и возможностей, культурных ресурсов и горизонтов. Соответственно, в обществах разного типа, различного уровня развития эта характеристика, окрашенная, среди прочего, еще и традиционалистской семантикой «возрастов жизни»⁴ (в бедных обществах она более значима и распространена, можно даже сказать, нормативно и жестко вменяется индивидам), принимает разные значения⁵. Зафиксировать некоторые параметры социальных установок и оценок самих пожилых людей (старше 60 лет) на протяжении последнего времени, сравнив их с соответствующими показателями по ближайшим возрастным слоям зрелых россиян (от 40 до 60 лет), — задача настоящей статьи. В ней использованы данные опросов ВЦИОМ типа «Омнибус», «Мониторинг» и

«Экспресс», а также материалы нескольких специальных тематических зондажей («Советский человек» и др.)⁶.

Как жизнь? За вторую половину 90-х годов материальное положение в большинстве семей опрошенных (в дальнейшем будут рассматриваться лишь обозначенные выше возрастные категории), по свидетельствам респондентов, ухудшилось. Процент оценивающих свою жизнь по этому параметру как в целом «хорошую» в трех интересующих нас возрастных подгруппах колеблется на протяжении 90-х годов от 1 до 5%, в разные годы; доля респондентов, расценивающих жизнь своей семьи как «среднюю», снизилась за это время с 50-40% до 35-25%, тогда как доля дающих отрицательные оценки (считают свое положение «плохим»), напротив, выросла со средних 40-50% до 60-70% (см. табл. 3).

Таблица 3

Оценка материального положения семьи
(100% по столбцу)

Варианты ответа	Возрастные группы																	
	40-49 лет						50-59 лет						60 лет и старше					
	Год опроса																	
	1994	1995	1996	1997	1998	1999	1994	1995	1996	1997	1998	1999	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Мужчины																		
Хорошее	6	4	0	3	0	4	5	1	6	2	3	1	4	4	9	4	4	1
Среднее	49	39	43	39	27	38	47	35	41	40	39	28	48	49	40	40	46	38
Плохое	43	56	53	56	66	54	45	60	53	58	56	70	47	45	56	54	49	60
Затруднились ответить	9	1	1	2	2	4	3	4	0	0	2	1	1	2	2	2	1	1
Женщины																		
Хорошее	3	4	1	3	2	1	2	э	3	2	2	4	9	2	2	2	9	1
Среднее	43	43	41	33	38	35	45	39	49	38	37	26	49	49	33	27	39	27
Плохое	54	51	55	60	56	63	51	52	48	46	59	69	46	49	60	70	57	70
Затруднились ответить	0	2	3	4	4	1	2	4	0	14	2	1	3	0	5	1	2	2

Таблица 4

Оценка перемен в материальном положении семьи
(100% по столбцу)

Варианты ответа	Возрастные группы											
	40-49 лет				50-59 лет				60 лет и старше			
	Год опроса											
	1994	1995	1996	1998	1994	1995	1996	1998	1994	1995	1996	1998
Мужчины												
Положение улучшилось	6	3	2	6	1	2	8	6	0	1	3	3
Не изменилось	34	32	27	35	29	37	36	37	41	31	40	50
Ухудшилось	57	60	70	59	68	61	56	54	50	68	53	46
Затруднились ответить	3	0	1	0	2	0	0	3	9	0	4	1
Женщины												
Положение улучшилось	4	5	2	4	4	1	2	5	2	4	1	4
Не изменилось	31	27	33	31	25	22	29	29	32	34	37	39
Ухудшилось	63	66	61	64	68	72	67	66	51	61	56	56
Затруднились ответить	2	2	4	1	3	5	2	0	5	1	6	1

Наиболее плавно негативная оценка положения своей семьи росла, как видим, у сорокалетних мужчин, наиболее резко — у мужчин 50 лет (видимо, в данном случае можно говорить о нарастающем сознании своего

бессилия) и у женщин старше 60 лет (тут доминирует, по-видимому, ощущение безнадежности); впрочем, расхождения не столь разительные. Замечу, что позиция «плохое» — как свидетельствуют данные других опросов ВЦИОМ того же времени, в которых применена не формальная шкала, а набор содержательных суждений, — соответствует подсказке «едва сводим концы с концами», но не самооценке «живем за гранью бедности» (ее разделяют среди опрошенных в тех же половозрастных группах за те же годы от 10 до 20%).

⁴ Burrow J.A. The ages of man. Oxford, 1986; Cole T.R. The journey of life: A cultural history of aging in America. Cambridge, 1992; Ариес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории. М., 1977. С. 216-244.

⁵ В частности, они детально разобраны средствами феноменологической социологии. См.: Fontana A. The last frontier: The social meaning of growing old. Beverly Hills; L., 1977; Neugarten B.L. The meanings of age. Chicago, 1996.

⁶ В подборе и подготовке табличного материала участвовали Л.В. Петушкова и Н.С. Ениколопов.

Таковы оценки своего положения на конкретный день, в статике (построенный в таблице хронологический ряд представляет набор подобных *статических* соотношения и *динамических* оценок — того, как изменилось материальное положение семьи опрошенного за последний год (в ряде опросов — полгода) (см. табл. 4).

Однако прямой, жесткой связи между оценками материального положения семьи (будь то в статике или динамике) и возможностями увеличить свои доходы в последнее время, по данным наших опросов, нет. Доля тех, кому удалось увеличить свои заработки, колебалась в разные годы от 10 до 20 опрошенных в соответствующих половозрастных группах. Причем наибольшей — и намного превышающей долю тех, чье материальное положение, по их оценкам, улучшилось. — она была в 1995–1997 гг. у сорокалетних мужчин (к ним в 1997 г. приблизились сорокалетние жен-

щины, затем возможности обеих групп сократились, но по данному показателю они и сегодня лидируют).

Иными словами, негативная оценка материального положения семьи фиксирует не только состояние доходов. Характерно, что от половины до двух третей увеличивших свои заработки и, казалось бы, более успешно справляющихся с трудностями считают, что материальное положение ее ли его семьи не изменилось, а то и ухудшилось. Вероятно, происшедшие перемены в уровне заработка не расцениваются как радикальное, достаточно весомое, а главное — надежное улучшение статуса и образа жизни семьи, не связываются с более далекой социальной перспективой. Напротив, среди самых старших респондентов, более осторожных и даже суеверно-боязливых в самооценке (особенно — женщины), процент тех, кто стал зарабатывать больше, совсем невелик, 2-5%, и в целом как раз приближается к доле тех, чье материальное положение, по их оценке, ухудшилось (см. табл. 3).

Таблица 5

Оценка перемен в доходах за последнее время
100% по столбцу

Варианты ответа	Возрастные группы											
	40-49 лет				50-59 лет				60 лет и старше			
	Год опроса											
	1995	1996	1997	1999	1995	1996	1997	1999	1995	1990	1997	1999
Мужчины												
Увеличили доходы	22	24	19	13	14	16	15	11	7	12	4	6
Не увеличили доходов	70	71	70	70	83	73	79	82	81	75	84	80
Затруднились ответить	8	5	5	11	3	11	6	7	12	13	12	14
Женщины												
Увеличили доходы	15	19	18	14	12	13	11	10	9	11	4	2
Не увеличили доходов	80	71	75	74	82	74	89	81	79	70	87	86
Затруднились ответить	4	10	7	13	6	13	4	14	16	23	9	12

Таблица 6

Проблемы, наиболее осложняющие жизнь семьи

Варианты ответа	Возрастные группы								
	40-49 лет			50-59 лет			60 лет и старше		
	Год опроса								
	1994	1995	1997	1994	1995	1997	1994	1995	1997
Мужчины									
Низкие доходы	00	72	08	09	05	75	63	64	71
Страх безработицы	31	29	32	30	15	24	4	5	7
Безысходность	31	32	20	24	28	20	24	20	27
Плохое здоровье	21	18	20	30	42	42	58	07	05
Бытовые трудности	22	20	13	13	11	17	25	17	20
Усталость	13	13	10	10	20	13	18	23	19
Плохое жилье	12	12	7	12	9	4	11	12	10
Недостаток свободного времени	12	12	10	8	8	5	3	2	0
Невозможность дать детям хорошее образование	10	15	10	10	10	9	10	10	10
Женщины									
Низкие доходы	70	73	79	75	71	70	03	73	77
Страх безработицы	33	30	31	20	14	23	7	4	2
Безысходность	27	30	30	20	29	30	13	18	20
Плохое здоровье	26	24	20	40	42	43	70	70	82
Бытовые трудности	14	21	10	15	21	15	24	23	20
Усталость	16	21	12	22	17	24	19	21	18
Плохое жилье	17	12	4	7	10	11	10	10	11
Недостаток свободного времени	10	10	9	8	8	3	3	1	1
Невозможность дать детям хорошее образование	15	14	14	7	0	9	0	2	1

Что тревожит семью? (см. табл. 6). На фоне представленных оценок не удивительно, что главная проблема, беспокоящая семьи зрелых и пожилых россиян 90-х годов, это прежде всего их *низкие доходы*. Озабочен-

ность этим обстоятельством не только самая большая в сравнении с другими семейными тревогами, но она и в наименьшей степени колеблется от года к году, минимально меняется от одной возрастной категории к дру-

гой. В среднем она охватывает в трех рассматриваемых возрастных группах до 65–70% мужчин и 70–75% женщин, приближаясь к проценту тех, кто считает, что в материальном отношении стал за последнее время жить хуже и не сумел увеличить свои доходы. Таков устойчивый уровень и горизонт оценок нынешнего микросоциального существования у россиян старших возрастных групп, базовая рамка их самочувствия, оценочных суждений о настоящем, видов на будущее.

Вдвое меньше, но практически столь же устойчива доля тех, чью семейную жизнь, по их оценкам, осложняет чувство *безысходности*, отсутствия перспективы (их процент несколько выше у сорокалетних мужчин, а ниже всего у женщин 60 лет и старше). Страх *безработицы* — удел, в данном случае, прежде всего сорокалетних респондентов; *плохое здоровье и трудности с лечением* (недоступность лекарств, низкий уровень государственного или коммунального бесплатного медицинского обслуживания и ухода за больными) — обстоятельство, тревожа-

щее самых старших россиян, и чаще женщин.

Показательно, что источник всех перечисленных трудностей, отягощающих семейную жизнь, находится *вне* самой семьи — в социальной системе поддержки, в конкретных ее звеньях и организациях (на «плохие отношения в семье», «пьянство одного из членов семьи» и т.п. ссылаются считанные проценты опрошенных в каждой группе).

На том же уровне, что недовольные материальным положением семьи и не сумевшие увеличить свои заработки, т.е. на уровне от двух третьих до трех четвертых рассматриваемых возрастных групп, держится доля тех, кто в целом не удовлетворен жизнью, которую сегодня ведет. Причем доля неудовлетворенных жизнью в целом была в середине 90-х годов и продолжает оставаться сегодня более низкой у мужчин, особенно — сорокалетних (ее разделяют от трети до двух пятых этой когорты), а наиболее велика (на уровне двух третей группы) среди женщин, причем всех трех возрастных категорий.

Таблица 1

Удовлетворенность жизнью, которую сейчас ведут
(100% по столбцу)

Варианты ответа	Возрастные группы														
	40–49 лет					50–59 лет					60 лет и старше				
	Год опроса														
	1994	1995	1996	1997	1999	1994	1995	1996	1997	1999	1994	1995	1996	1997	1999
Мужчины															
Удовлетворены	11	6	5	3	13	13	0	0	8	6	0	10	0	5	0
И да, и нет	0	34	20	30	38	32	14	40	24	32	30	25	40	20	23
Не удовлетворены	40	59	07	66	40	50	82	51	08	61	57	50	9	00	05
Затруднились ответить	0	1	2	1	0	5	1	3	0	1	1	3	2	3	6
Женщины															
Удовлетворены	9	0	4	5	5	8	7	7	9	2	14	13	7	4	5
И да, и нет	27	26	27	21	29	25	18	30	19	30	21	25	25	21	1
Не удовлетворены	02	59	09	73	2	59	72	58	74	07	00	00	1	74	75
Затруднились ответить	2	9	0	1	4	8	3	1	5	1	5	9	7	1	4

Вместе с тем интегральная оценка жизненной ситуации россиянами трех анализируемых здесь возрастных групп выглядит более сдержанной и уравновешенной (хотя и она имеет тенденцию к ухудшению, пусть более мягкому). Со-

отношение тех, кто считает ситуацию выносимой или невыносимой, за вторую половину 90-х годов изменилось: в середине десятилетия оно выглядело, обобщенно говоря, как 4:5, к концу — как 5:4 (см. табл. 8).

Таблица 8

Общая оценка жизненной ситуации
(100% по столбцу)

Варианты ответа	Возрастные группы																	
	40–49 лет						50–59 лет						60 лет и старше					
	Год опроса																	
	1994	1995	1996	1997	1998	1999	1994	1995	1996	1997	1998	1999	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Мужчины																		
Можно жить	7	11	4	4	8	5	5	2	3	9	9	9	11	4	9	9	6	3
Можно терпеть	54	40	55	33	35	41	51	32	49	42	40	41	53	53	58	39	40	40
Терпеть больше невозможно	34	40	35	50	48	48	41	58	42	53	51	30	40	35	58	48	55	
Затруднились ответить	5	3	8	7	9	0	3	3	0	3	6	0	5	3	5	1	5	9
Женщины																		
Можно жить	0	0	0	7	5	4	5	6	3	5	3	3	5	7	3	1	4	1
Можно терпеть	48	47	42	35	40	41	49	52	44	28	30	34	54	61	53	38	41	30
Терпеть больше невозможно	44	40	44	53	44	51	44	34	49	61	58	55	37	27	39	52	42	57
Затруднились ответить	9	7	8	5	11	4	2	8	4	0	3	8	4	0	5	9	13	0

Если соотнести доли способных и неспособных терпеть свое положение («можно терпеть» — «терпеть невозможно») в каждой возрастной группе, то это соотношение за последние шесть лет сильнее всего — с максимума положительных значений — изменилось у сорокалетних мужчин (коэффициент 1,57 и 1,58 в середине 90-х, 0,72 и 0,85 в конце), с отступом на год — у пятидесяти-

летних женщин (1,53 в 1995 г., резкое падение показателя до 0,46 в 1996–1997 гг. и 0,62 в 1998–1999 гг.) и у респондентов старше шестидесяти, как мужчин, так и в еще большей степени — у женщин (1,47 и 1,66 в середине 90-х годов, 0,73 в конце, у женщин — 1,46 и даже 2,26 в середине 90-х, 0,63 в конце). Однако столь резкого перепада, как между позитивными и негативными оценками

своих доходов, возможностей больше зарабатывать и т.п., в данных случаях все же нет.

Несколько округляя цифры, допустимо сказать, что не удовлетворенные положением своей семьи, собственными заработками, нынешним образом жизни подразделяются на две части: одни утверждают, что они при этом могут терпеть, другие — что терпеть уже невозможно. Как построена та и другая оценка, что она означает социологически?

Позиция «можно терпеть» отсылает к уровню принятой нормы, рутинной повседневной озабоченности существованием в бедном обществе. В среднем для двух из пяти наших респондентов сегодняшний уровень этого показателя не превышает прежнего, относящегося к ближайшим предшествующим годам, причем временная граница между «сегодня» и «вчера» тут достаточно подвижна. Это может быть, например, период до «гайдаровских реформ», до 1991 г. или даже до 1985 г., с которыми в данном случае и происходит подспудное сравнение. При этом для 20–40% респондентов (и заметно чаще — для пожилых) недавний период уже выступает объектом ретроспективных иллюзий и приукрашивающих проекций. Вместе с тем «выносимость» не только отсылает к прошлому, но и отмечает границы коллективной согласованности образца, поскольку эталонный уровень обыденных забот и тревог соотнесен и соразмерен с

большинством окружающих респондента людей и семьей: «живем как все», «не лучше и не хуже».

Но в этом смысле и позиция «терпеть невозможно» не означает, что стрелка социального барометра зашкалила (слишком устойчиво и регулярно эта стереотипная оценка воспроизводится из года в год). Она фиксирует уровень такой напряженности, которая превосходит прежнюю норму, но при этом характерна сегодня для подавляющего большинства опрошенных. Она образует как бы «потолок» их расчетов и ожиданий и даже служит своего рода ингибитором, «гасящим» не только массовое недовольство (что понятно), но (как ни парадоксально) и установки на перемену своего положения, целенаправленную социальную активность и ответственность. Можно сказать, это уровень обыденной напряженности становится новой диффузной и анонимной нормой, при которой повседневный фон, стандарт заниженных оценок себя и других поглощают любые подробности, все разнообразие жизни.

Кто поможет? При этом в случае особых жизненных трудностей, превосходящих повседневные заботы и тяготы, абсолютному большинству респондентов из трех опрошенных возрастных групп приходится рассчитывать прежде всего и исключительно на самих себя⁷ (см. табл. 9).

Таблица 9

Источники возможной помощи в трудных жизненных ситуациях
IK % по столбцу; приводятся лишь самые распространенные ответы

Варианты ответа	Возрастные группы								
	40–49 лет			50–59 лет			60 лет и старше		
	Год опроса								
	1994	1995	1997	1994	1995	1997	1994	1995	1997
<i>Мужчины</i>									
Только сам респондент	79	82	49	82	77	51	70	69	38
Родственники, друзья	37	46	45	26	35	38	32	38	49
Предприятие, где работает (работал)	6	9	5	8	5	4	4	9	4
Государство	4	3	1	6	6	4	14	11	9
<i>Женщины</i>									
Только сам респондент	80	73	36	78	67	32	63	54	40
Родственники, друзья	34	54	56	38	42	57	40	56	48
Предприятие, где работает (работала)	4	7	5	2	4	10	2	2	2
Государство	2	4	3	6	8	4	11	15	10

Речь в данном случае идет, разумеется, не об индивидуалистической этике людей, обязанных своим положением и успехами лишь своим силам, «сделавших себя собственными руками»⁸, а о факте социальной изоляции большинства зрелых и пожилых россиян, о бедности и слабости коллективных связей, общественных структур (профессиональных коллективов, государственных институтов социального обеспечения, соседских общин, религиозных общностей, церкви и т.д.), которые могли бы сегодня поддержать индивида в России. Характерно, что мнение респондентов о себе, собственных возможностях, результатах своих усилий становится год от года все хуже; доля тех, чья самооценка за год ухудшилась, колеблется сегодня в пределах от четверти до трети в каждой из интересующих нас возрастных категорий. Иначе говоря, пространство возможностей индивида, объем актуальной для него социальной жизни, соответствующей его

компетенции и ответственности, подконтрольной, как он может предполагать, его действиям и доступной его влиянию, для большинства респондентов по крайней мере не увеличивается, а для четверти и даже трети опрошенных эта шагреновая кожа ошутимо сокращается (см. табл. 10).

При этом уровень доверия, которого, с точки зрения респондентов всех трех рассматриваемых возрастных групп, заслуживают основные институты государства, социальные системы нынешнего российского общества, православная церковь и масс-медиа, за вторую половину 90-х годов постоянно снижается. Зато чрезвычайно велика и со временем становится все выше — особенно для женщин — компенсаторная значимость ближайшего круга общения, родных и друзей (наблюдается явная ценностная и эмоциональная «перегрузка» этих структур). Причем именно в тех половозрастных группах, где

⁸ Используя ответы на другой вопрос «Считаете ли Вы себя... человеком, который живет, полагаясь во всем только на себя...» из исследования «Советский человек» 1999 г., — парадоксы подобного самоопределения рассматривал Ю.А. Левада (см.: Мониторинг общественного мнения: экономические социальные перемены. 1999. № 3. С. 8).

⁷ Эта же тенденция преобладает в ответах опрошенных о помощи, на которую они могут надеяться в старости: в 1997 г. 62% опрошенных россиян признали, что рассчитывают в этом случае лишь на свои силы. 25% — на семью и детей (см.: Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 1. С. 57).

возможность рассчитывать на себя падает максимально резкими темпами (у мужчин после 60 и женщин 40-50

лет), столь же резко растет готовность полагаться на родных и друзей.

Таблица 10

Изменения мнений респондентов о самих себе за последний год
(100% по столбцу)

Варианты ответа	Возрастные группы					
	40-49 лет		50-59 лет		60 лет и старше	
	Год опроса					
	1997	1999	1997	1999	1997	1999
Мужчины						
Мнение улучшилось	8	0	3	9	2	2
Осталось тем же	67	51	74	64	79	50
Ухудшилось	17	37	10	23	5	35
Затруднились ответить	8	1	13	4	14	13
Женщины						
Мнение улучшилось	1	8	4	10	14	3
Осталось тем же	68	50	71	59	68	58
Ухудшилось	10	31	13	24	10	25
Затруднились ответить	15	11	12	7	8	14

Впечатляет и непомерно, невероятно высокий — по контрасту с неэффективностью всех остальных институтов, с нарастающей агрессивностью и апатичностью социальной среды — уровень удовлетворенности респондентов отношениями в их семьях (см. табл. 11).

У мужчин самой старшей группы этот показатель с годами еще и растет, тогда как у пятидесятилетних мужчин (и сорокалетних женщин), напротив, заметна некоторая неудовлетворенность своими семейными отношениями.

Таблица 11

Удовлетворенность отношениями в семье
(100% по столбцу)

Варианты ответа	Возрастные группы								
	40-49 лет			50-59 лет			60 лет и старше		
	Год опроса								
	1995	1996	1997	1995	1996	1997	1995	1996	1997
Мужчины									
Удовлетворены	76	80	77	77	83	66	74	80	83
Не удовлетворены	17	17	18	19	15	26	15	7	9
Затруднились ответить	7	3	5	4	2	8	11	13	8
Женщины									
Удовлетворены	76	74	70	77	68	75	74	70	72
Не удовлетворены	17	24	25	19	24	18	15	10	15
Затруднились ответить	7	2	5	4	8	7	11	20	13

Как бы то ни было, семья — по самому устройству и функциям этого института — не может заместить недостающих и отсутствующих связей с «большим» обществом, отношений, построенных на универсалистских ценностях активности, успеха и признания, повышения уровня жизни. Соответственно, она не в силах «покрыть» все социальные дефициты и расходы индивида — его профессиональные, статусные срывы и потери. Обостряющийся дефицит позитивной социальности выражается у зрелых и пожилых россиян в растущем чувстве собственной уязвимости, незащищенности (агрессивности окружающих), с одной стороны, и в ощущении общей дезориентированности, бесперспективности, апатии — с другой (см. табл. 12).

Принудительная общность, преждевременная старость: конструкция социального мира зрелых и пожилых россиян. В приводившихся ранее данных обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, уровень согласованности абсолютного большинства мнений во всех трех группах респондентов, как у мужчин, так и у женщин. Фиксируя, по большей части, негативные оценки, перемены к худшему либо неизменность ситуации (удовлетворенность отношениями в семье — не исключение, поскольку этот показатель акцентирует именно стабильность), этот уровень, как правило, не опускается ниже 55—

60% опрошенных, нередко достигает от двух третей до трех четвертей в каждой группе, а порой и превышает 80% в разных категориях. Впрочем, позитивные оценки динамических переменных (меняющихся социальных обстоятельств и др.), практически всегда низкие или имеющие явную тенденцию к снижению, тоже были во всех группах весьма близки друг другу. По крайней мере, сколь угодно принципиальных, устойчивых и систематических различий между исследуемыми группами (а их разделяет, ни много ни мало, 25-30 лет) и тут не наблюдается.

Во-вторых (и это, конечно, связано с тем, что сказанным), по ходу предшествующего изложения не раз отмечалась общность мнений и оценок, включая негативные самооценки, ощущение бесперспективности собственной жизни, враждебности и астеничности социального окружения и т.п., в когортах сорокалетних респондентов (в частности, мужчин) и старше 60 лет (зачастую — женщин). Чувство собственной социальной нереализованности, иррационального торможения в самые, казалось бы, перспективные, многообещающие годы, ощущение вязкости среды и всего общественного устройства у первых как бы дают тот же эффект, что сознание профессиональной отставки, социальной незащищенности, ролевой истощенности — у вторых. Пенсионный возраст в советском и постсоветском обществе по государственным законам вообще наступает очень рано.

Чувства, проявившиеся или окрепшие за последний год у людей, окружающих респондента
(к % по столбцу)*

Варианты ответа	Возрастные группы											
	40-49 лет				50-59 лет				60 лет и старше			
	Год опроса											
	1991	1997	1998	1999	1991	1997	1998	1999	1991	1997	1998	1999
Мужчины												
Усталость, безразличие	36	45	53	68	36	44	52	51	36	42	37	57
Отчаяние	32	—	—	38	19	—	—	34	24	—	—	34
Агрессивность	27	35	35	37	21	30	36	35	31	32	29	28
Обида	24	—	—	34	23	—	—	32	30	—	—	43
Надежда	23	19	12	6	19	17	(i	8	8	9	8	(i
Страх	22	14	22	23	22	18	20	27	19	13	29	29
Растерянность	27	К)	27	27	18	14	28	18	13	10	30	13
Гордость за свой народ	5	4	3	4	9	9	1	2	10	7	6	(i
Ответственность за происходящее	4	—	—	0	6	—	—	2	7	—	—	7
Одиночество	3	—	—	3	1	—	—	6	5	—	—	5
Чувство собственного достоинства	2	7	1	2	2	6	6	9	о	6	5	1
Затруднились ответить	7	12	3	1	12	т	4	0	13	9	9	3
Женщины												
Агрессивность	35	25	30	45	21	28	30	41	26	23	30	17
Усталость, безразличие	34	40	48	56	22	42	52	48	24	42	42	50
Отчаяние	29	—	—	44	24	—	—	43	27	—	—	43
Растерянность	27	20	23	30	23	20	31	28	23	20	24	23
Страх	27	23	27	41	26	19	26	35	31	23	32	43
Надежда	24	15	16	К)	27	13	15	9	15	13	0	5
Обида	22	—	—	25	27	—	—	25	23	—	—	38
Гордость за свой народ	8	2	0	0	8	0	2	1	7	(i	9	2
Ответственность за происходящее	7	—	—	2	4	—	—	0	1	—	—	2
Одиночество	0	—	—	4	(i	—	—	о	13	—	—	10
Чувство собственного достоинства	2	1	3	3	3	6	1	1	9	1	3	2
Затруднились ответить	3	т	К)	9	12	6	4	1	14	10	т	4

* Прочерк означает, что подсказка в данном году не использовалась; позиции ранжированы по наименьшему столбцу. Респондентам выданы несколько позиций, поэтому сумма величин по столбцу превышает 100%.

Но в советских условиях утрата рабочего места, соответствующего образа и распорядка жизни всегда сопровождалась общей и резкой социальной дисквалификацией, утратой статуса, разрушением связей («возрастная резервация») и т.д. А в современной России, «бедном обществе» — бедном социальными возможностями и ресурсами культурного разнообразия, структурами и формами действия, способами его символического вознаграждения — эта принудительная десоциализация наступает, как видно по приводимым оценкам, еще раньше («преждевременная отставка»).

Характерно, что сколько-нибудь яркие, последовательные различия мнений между возрастными когортами наблюдаются, как мы видели, именно и только тогда, когда они связаны со столь же четкой разницей в нормативно-заданном, государственно-гарантированном профессиональном статусе и социальной позиции (страх безработицы у сорокалетних, плохое здоровье и трудности с лечением у самых пожилых). Других, новых по своему типу оснований социальной и культурной дифференциации на описанных нами данных не прослеживается: субъективная социальная структура общества, субъективные представления о системе стратификации предельно уплощены. Дело не просто в том, что группа сумевших за последнее время повысить свои заработки количественно невелика. Важно то, что повышение доходов расценивается людьми как случайное и временное, не улучшает их оценку в глазах окружающих и не меняет их положения в обществе, не укрепляет, а может быть, даже ослабляет их социальную мускулатуру, столь ценимую плотность

аффективных родственных и дружеских связей и т.п. Доля людей, которые «живут без особых забот и могут позволить себе все», очень устойчива и не превышает 1–3% опрошенных в интересующих нас возрастных категориях.

Аморфность общества, оставшегося без государственной опеки, не имеющего символических лидеров и авторитетных элит, редуцированного для наших респондентов исключительно к неформальным гемайншафтным связям, воспроизводит все более простые межличностные отношения, работает на дальнейшую примитивизацию, деградацию социальной жизни. В основе такой жизни лежит негативная социальность, привычка как особый механизм социальной регуляции собственного поведения и оценки других. Привычка — не просто радикал традиционного действия в современном обществе. Поскольку привычка фиксирует уровень коллективной, общепризнанной нормы поведения, усвоенной каждым взрослым членом сообщества и далее специально не рефлектируемой, постольку разных по типу обществах она имеет различный масштаб распространения («вес») и функциональный смысл.

В российском обществе социальное действие, не санкционированное по иерархической вертикали (поведение в обыденной жизни за пределами полномочий власти), считается нормальным, признается и самими действующим лицом, и значимыми для него другим; только, если оно согласовано с окружающими на основе «нижнего уровня» представлений и запросов, при условии лимитирования ресурсов, минимизации каче

ства действия, а стало быть, и ответственности действующего⁹. Привычка и есть такой социальный «шлюз» или «реостат» — конструкция стереотипных оценок, по инерции редуцирующая характер, структуру, набор элементов взаимодействия к эталонному образу «коммунального человека» (клиента коммунальных служб, по образцу которых, скажем, химчистки, фабрики-кухни или обувной мастерской, десятилетиями работают системы государственного образования, здравоохранения и др.). Участники взаимодействия исходят при этом из того, что человек (любой, поскольку для коммунальной службы все одинаковы) — «не барин», что он «и так перебьется». Во многих отношениях респонденты рассматриваемых в данной статье групп — именно люди инерции, привычки («люди привычные»).

Конечно, «человек привычный» — лишь одна из деталей в антропологической конструкции «советского человека». Но этот узел, как можно предположить, — несущий или, по крайней мере, один из несущих. Его

функциональная нагрузка связана с поддержанием, сохранением и репродукцией всего антропологического стандарта как такового, точнее — с воспроизводством его принципиальной схемы.

Ностальгическая сплоченность «от противного»

Вместе с негативными изменениями повседневных самооценок и самочувствия в массе опрошенных, особенно старших возрастов, укрепляется опять-таки компенсаторная «негативная солидарность» на символическом уровне — уровне предельной социетальной общности, в мифологизированных рамках национального целого. В частности, ностальгия по социальной сплоченности выражается в растущем сближении, даже, можно сказать, в впечатляющем единодушии россиян относительно нескольких символических клише. Сравним отношение к идеям, способным, по мнению респондентов, интегрировать сегодня российское общество, в 1994 и 1999 гг. (см. табл. 13).

Таблица 13

Идея, которая могла бы объединить российское общество

% по столбцу приводятся лишь наиболее распространенные ответы

Варианты ответа	Возрастные группы					
	40-49 лет		50-59 лет		60 лет и старше	
	Год опроса					
	1994	1999	1994	1999	1994	1999
Мужчины						
Законность и порядок	23	50	19	41	21	43
Стабильность	19	44	18	52	12	38
Достойная жизнь	13	25	10	24	8	33
Сильная держава	10	30	К)	31	13	25
Богатство, процветание	7	22	2	К)	4	20
Возрождение России	7	31	0	42	0	37
Социальная защищенность	4	16	0	29	4	27
Женщины						
Законность и порядок	23	45	20	39	21	41
Стабильность	14	55	15	51	8	42
Достойная жизнь	13	42	15	28	8	32
Возрождение России	0	21	0	27	8	21
Равенство и справедливость	8	17	6	Н)	8	Н)
Сильная держава	7	29	6	30	4	26
Богатство, процветание	0	18	7	0)	0	14
Социальная защищенность	6	24	4	21	3	19

В приведенных ответах зрелых и пожилых россиян на предложения повседневной жизни выражены в модусе мысленного предположения о желаемом состоянии и условно реализуемых возможностях. Еще заметней эти дефициты сказываются в массовых представлениях, вынесенных в воображаемую сферу национально-государственного «прошлого» и утвержденных, как бы узаконенных, на уровне базовых ценностей сообщества, в плане наиболее значимых символических образцов и санкций. Значимость подобных ретро-проекции и ретро-ориентации — о чем в статьях «Мониторинга» не раз писалось — для массового сознания в России второй половины 90-х годов постоянно и заметно растет (см. табл. 14 и 15).

⁹ «Халтура», «туфта» и т.п. — результат перенесения подобных интегративных принципов и схематики действия их рядовыми носителями в область, подконтрольную иерархической власти (работу, службу, где «сверху» требуют гарантированных достижений, плановых успехов, «открытия частицы в текущем квартале», по реплике известного киногероя). По такому отношению к делу, как по своеобразному паролю, узнают

Рассматривая данные табл. 14 и 15, важно отметить, что сведенные в них представления об оптимальном состоянии общества, условиях его ценностного сплочения на чисто лишены в данном случае собственно идеальных моментов. В них отсутствует метафорика и семантика «верха», «совершенства», «предела» или даже «недостижимости», которой, казалось бы, всегда были отмечены картины желаемого общества, лучшей жизни в европейской истории и культуре. Можно сказать, будущего — кроме как предмета страхов и тревог — для массового сознания старших поколений в нынешней России не существует.

В нашем случае речь идет лишь об элементарной социальной устойчивости, минимальных условиях поддержания и регулярного воспроизведения рутинного строя жизни — о «стабильности» как основе постижимости и предсказуемости окружающего. Основу гипотетического консенсуса, воображаемой интеграции общества составляет не символика достижения, а тавтология все того же социального порядка.

«своих». См. Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х М., 1993. С. 59-73.

«Согласны ли Вы с тем, что лучше бы все в стране оставалось так, как было до 1985 года?»
(100% по столбцу)

Варианты ответа	Возрастные группы								
	40-49 лет			50-59 лет			60 лет и старше		
	Год опроса								
	1994	1995	1999	1994	1995	1999	1994	1995	1999
Мужчины									
Согласен	42	46	51	46	67	62	66	81	
Не согласен	38	32	32	27	35	21	21	17	14
Затруднились ответить	19	22	17	16	19	12	18	17	9
Женщины									
Согласна	44	53	74	54	59	62	66	67	79
Не согласна	34	22	19	24	23	27	15	13	12
Затруднились ответить	22	25	7	22	18	11	19	20	9

Таблица 15

Ретроспективная оценка различных периодов прошлого
(а % по столбцу)

Варианты ответа	Возраст					
	40-49 лет		50-59 лет		60 лет и старше	
	Год опроса					
	1994	1999	1994	1999	1994	1999
Мужчины						
...время революции принесло						
больше хорошего	29	26	39	40	41	36
больше плохого	38	47	29	16	25	25
ничего особенного	10	5	2	6	8	7
Затруднились ответить	23	22	30	38	26	32
...время Сталина принесло						
больше хорошего	16	20	23	35	35	46
больше плохого	50	57	57	36	38	29
ничего особенного	8	1	5	4	10	6
Затруднились ответить	26	22	15	25	17	19
...время Хрущева принесло						
оо больше хорошего	42	37	43	42	41	39
больше плохого	8	19	15	18	18	12
ничего особенного	32	26	27	28	30	36
Затруднились ответить	18	18	15	12	11	13
...время Брежнева принесло						
больше хорошего	35	51	45	62	43	64
больше плохого	15	14	16	9	11	9
ничего особенного	34	31	26	22	34	18
Затруднились ответить	16	4	13	7	12	9
...время перестройки принесло*						
оо больше хорошего	13	10	15	11	8	7
оо больше плохого	44	66	53	66	55	66
ничего особенного	20	16	17	21	17	16
Затруднились ответить	23	8	15	8	20	11

* В опросе 1999 г. «Советский человек-3» использовалась формулировка «время Горбачева» Полюция «время Ельцина», маркирующая область настоящего, собирает предельно негативные оценки.

Повышенная символическая нагрузка подобных конструкций целого — сверхзначимость ретроспективных оценок, вернее, переоценок «нашего прошлого, нашей истории», лозунги «возрождения» — связана не с их «идеальностью» и, в этом смысле, не с универалистской всеобщностью и субъективной значимостью подобных ценностных ориентиров социального действия и взаимодействия. Она задается и поддерживается лишь их контрастом с непонятной, угнетающей, травмирующей современностью, закрепляет, повторяет и увековечивает этот разрыв (ср. в табл. 15 согласованную переоценку времен Брежнева и перестройки). Перенос массовым сознанием (но и менталитетом интеллигенции, риторикой масс-медиа) фокуса коллективной идентификации в бутафорское «прошлое» выражает отчужденность, дистанцирование от ре-

ального социального действия. Символический барьер недоступности (метафорически обозначаемый как «смутное время», «черные времена», «безвременье», «промежуток» — своего рода «слепое пятно» коллективной оптики); в данном случае, как и в других подобных ситуациях, отделяет не от прошлого, а от настоящего: это его, пользуясь расхожей формулой, «потеряли» или «теряют». Мыслями опрошенные все больше остаются во вчерашнем дне. Так же как нарастающая в обществе апатия, их компенсаторное единодушное, ностальгия по мифологизированному былому порядку и фантомному державному величию лишь консервирует нынешнюю аморфность российского общества, а потому ухудшает и без того не блестящие социальные, политические, экономические перспективы страны.

Ретроспективная оценка различных периодов прошлого
(в % по столбцу)

Варианты ответа	Возрастные группы					
	40-49 лет		50-59 лет		60 лет и старше	
	Год опроса					
	1994	1999	1994	1999	1994	1999
<i>Женщины</i>						
...время революции принесло						
больше хорошего	28	32	33	33	35	34
больше плохого	35	38	27	36	23	23
ничего особенного	8	4	8	2	4	4
Затруднились ответить	29	26	32	29	38	39
..время Сталина принесло						
больше хорошего	16	25	25	27	24	45
больше плохого	57	55	44	52	52	29
ничего особенного	4	3	6	0	4	4
Затруднились ответить	23	17	25	21	30	22
...время Хрущева принесло						
больше хорошего	37	25	34	32	39	34
больше плохого	15	15	12	14	8	9
ничего особенного	27	37	38	36	30	35
Затруднились ответить	21	23	16	18	23	22
...время Брежнева принесло						
больше хорошего	35	57	39	61	46	65
больше плохого	15	7	14	8	9	5
ничего особенного	33	28	35	18	28	20
Затруднились ответить	17	8	12	13	17	10
...время перестройки принесло*						
больше хорошего	13	6	К)	12	6	4
больше плохого	51	64	оа	60	56	68
ничего особенного	15	19	19	15	19	13
Затруднились ответить	21	11	16	13	19	15

* В опросе 1999 г. «Советский человек-3» использовалась формулировка «время Горбачева». Позиция «время Ельцина», маркирующая область настоящего, собирает предельно негативные оценки.

Евгений ГОЛОВАХА, Наталия ПАНИНА

Тенденции развития межэтнических отношений на Украине: результаты социологического мониторинга

Введение. После образования независимых постсоветских государств прошло достаточно времени для того, чтобы от фиксации отдельных фактов и наблюдений, характеризующих различные аспекты общественной жизни, можно было переходить к обобщениям, позволяющим выделить основные тенденции социальных изменений, которые определяют особенности трансформации общества и государства в условиях затянувшегося перехода от тоталитарной системы к декларируемому демократическому общественному устройству. Одним из важнейших проявлений такого рода трансформаций является развитие системы межэтнических отношений, коренная ломка которой в постсоветских условиях стала источником социальной напряженности и конфликтов во многих государствах. В результате краха коммунистической идеологии, находившей отражение в лицемерной политике «пролетарского интернационализма», фокус идеологической озабоченности значительной части правящих и оппозиционных политических элит сместился к идее приоритетного развития титульных наций и консолидации общества именно на этой основе. В меньшей мере в постсоветском пространстве получили распространение демократические идеи формирования политических наций, что стало одним из источников потенциальной на-

пряженности во взаимоотношениях между различными национальностями. Без единой и сплоченной политической нации представители национальных меньшинств не могут чувствовать себя в достаточной мере защищенными от проявлений произвола титульного большинства.

Не менее важным признаком трансформирующегося общества является длительный и постоянно углубляющийся социально-экономический кризис, характерный для всех постсоветских государств. Как известно, ухудшение материальных условий жизни населения ведет к снижению уровня социальной и национальной толерантности в обществе, любое обострение этого процесса и тем более кризис — к поиску виновных и поддержке населением радикальных политических сил, идеология которых основывается на ксенофобии и шовинистических лозунгах.

Сохраняются и традиционные условия межэтнических отношений, связанные с историческим опытом общения различных этносов, с укоренившимися негативными этническими стереотипами.

Наличие перечисленных компонентов, свойственных постсоветским государствам, указывает на то, что межэтнические отношения требуют постоянного общественного контроля за конфликтогенным потенциалом в данной сфере. Одной из форм такого контроля является социологический мониторинг, осуществляемый на основе всеукраинской выборки и позволяющий оценивать динамику межэтнических отношений по Украине в целом и по отдельным ее регионам.

Выборка и организация исследований. Институт социологии Национальной Академии наук Украины